

Grinev A. V. (2017) The Problem of Citation in the Humanities *Herald of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 87, No. 1, pp. 83–86. DOI: 10.1134/S1019331616060101

ABSTRACT

This article is dedicated to critical analysis of a work by O.V. Mikhailov on problems of citation, which compares works by representatives of natural science disciplines and the humanities. The invalidity of insisting that a fundamental difference exists between natural scientists and scholars in the humanities from the point of view of the freedom of creativity, the typology of scientific publications, and the search for scientific regularities is affirmed, and the lower citation indicators of scholars in the humanities are explained in detail by the example of historians in relation to several objective factors.

Quotes

As for the lower citation of, for example, historians compared to chemists or physicists, it is not due to global interest in the laws of chemistry or physics as opposed to neglect of historical regularities; other reasons play a role here. First, the number of historical and, more broadly, social and humanities-related scientific journals is noticeably smaller than that of periodicals on natural disciplines; hence, physicists or chemists will always have more references than humanity scholars. Second, as opposed to the overwhelming majority of historians, physicists and chemists usually work within research teams and, respectively, publish collective articles; then each of them receives an ID about the publication and a set of references (if any) in his or her authorial profile in the RSCI, WoS, and (or) Scopus DBs. Respectively, if a research team consisted, for example, of five chemists and, having published an article, received five references to it, their total number in an information analytical database would be 25, while one historian as a single author would receive only five references to his or her article. Third, as V.V. Tikhonov noted, historians prefer to refer primarily with authentic sources (published documents, archival acts, etc.) rather than from works by other scientists, which naturally decreases their citation rate [6, p. 95]. Fourth, we cannot but mention the overall low culture of citation in domestic historiography, especially over the last two decades, when some “specialists” have forgotten to refer even to direct quotations [7, p. 139]. Fifth, the poor knowledge of English among Russian scientists and the low level of many studies (in Soviet times, up to 90% of dissertations in history were dedicated to the history of the Communist Party of the Soviet Union, which has nothing to do with true science) restrain publication and citation in prestigious foreign journals. Sixth, bear in mind that Western editorial boards request previously unpublished texts; this is why domestic specialists prefer to publish their works on a guaranteed basis in Russia rather than to face the risks associated with offering them to a foreign periodical. Seventh, which is also worth remembering, the opportunities of a Russian scientist, especially a scholar in the humanities from a provincial higher education institution, are incomparably lower (even if we take into consideration financing alone) than those of a scholar in the humanities from the United States or Sweden (Grinev, 2017, p.84-85)

ПЕРЕВОД Что касается более низкой цитируемости, например, историков по сравнению с химиками или физиками, то проблема заключается не во всемирном интересе к законам химии или физики на фоне игнорирования исторических закономерностей, а в ином. Во-первых, исторических и – шире – социально-гуманитарных научных журналов выходит заметно меньше, чем периодики по естественным дисциплинам, а потому количество ссылок у физиков или химиков всегда будет больше, чем у гуманитариев. Во-вторых, в отличие от подавляющей части историков, физики и химики обычно трудятся в исследовательских коллективах и, соответственно, публикуют коллективные статьи, а затем каждый из них получает учётную запись о публикации и набор ссылок (если таковые будут) в свой авторский профиль в БД РИНЦ, WoS и(или) Scopus. Соответственно, если исследовательский коллектив состоял, скажем, из пяти химиков и, опубликовав статью, получил на неё пять ссылок, то общее их количество в той или иной информационно-аналитической базе данных будет равняться 25, в то время как один историк, будучи единственным автором, получит лишь пять ссылок на свою статью. В-третьих, как отмечал В.В. Тихонов, историки предпочитают ссылаться в первую очередь на первоисточники (опубликованные документы, архивные акты и т.п.), а не на труды других учёных, что, естественно, снижает их цитируемость [6, с. 95]. В-четвёртых, нельзя не сказать вообще о низкой культуре цитирования в отечественной историографии, особенно в последние два десятилетия, когда отдельные “специалисты” забывают дать ссылку даже на завышенный текст прямой цитаты [7, с. 139]. В-пятых, публиковаться и цитироваться в престижных зарубежных журналах мешает слабое знание английского языка и невысокий уровень многих исследований (в советское время до 90% диссертаций по истории были посвящены истории КПСС, не имеющей к настоящей науке никакого отношения). В-шестых, нельзя забывать, что западные редакции требуют присылать им нигде ранее не издававшиеся тексты, и в таких условиях отечественные специалисты предпочитают гарантированно опубликовать труд у себя на родине, нежели рисковать, предлагая его зарубежному изданию. В-седьмых, и об этом тоже не следует забывать, возможности российского учёного, особенно гуманитария из провинциального вуза, неизмеримо меньше (принимая во внимание хотя бы одно только финансирование), чем у такого же гуманитария из США или Швеции.